

и преступность шаманов и шаманок («Гашуудалтай хуухэн» — «Печальная девушка».. «Тубжоон хубуун» — «Молодец Тубжоон» и др.). Ненависть к эксплуататорам, жестоким и коварным ламам особенно ярко выражена в сказке «Алтан ундэгэн» — «Золотое яйцо». Зло высмеивается неудержимая страсть богачей к наживе и богатству в сказке «Зол шор хоер» — «Счастье и Несчастье».

Особое место занимает в сборнике глубокопатриотическая сказка «Мээл баатор» — «Богатырь Мээл». В ней рассказано, как 70-летний Мээл с достоинством защищает свою родную землю от нападения чужеземного врага (стр. 143).

В сборнике собраны классово заостренные, идейно насыщенные произведения, которые, несомненно, имеют большое воспитательное значение.

Составитель сборника «Бурят-монгол арадай онтохонууд» («Бурят-монгольские сказки») сделал большую и нужную работу, собрав народные сказки во многих районах республики. Заслуга А. И. Шадаева была бы значительнее, если бы он в сборник включил сказки, созданные в наши дни, с современной тематикой.

Современные сказки, характерные главным образом аллегоричностью содержания, повествуют в мотивах и образах традиционной сказки о делах и людях нашей современности и их грандиозных успехах в преобразовании природы, о всех событиях советской действительности.

Вызывает сожаление и то, что составитель в своем сборнике не рассказал о жизни сказочника в настоящее время. Он ограничился лишь тем, что в конце сборника дал скудные сведения о том, у кого в каком году записана та или иная сказка. Эти сведения слишком общи и неконкретны.

Остается также совершенно неизвестным читателю социальное и творческое лицо сказочника. Было бы весьма интересно иметь биографические сведения о жителях носителях этих сказок, знать их репертуар, насколько популярен сказочник, какова его роль в хранении старого эпического наследия, в развитии и создании сказок советского времени.

Сборник, составленный А. И. Шадаевым, должен быть оценен положительно. Он явится подспорьем в изучении устного народного творчества и этнографии бурят-монголов.

Н. Шаракишнова

НАРОДЫ АФРИКИ

Seven Tribes of British Central Africa, Ed. by Elizabeth Colson and Max Gluckman, Oxford University Press, London—New York—Cape Town, 1951.

Рецензируемый сборник подготовлен к печати Институтом Родса-Ливингстона в Северной Родезии. Этот Институт, являющийся одним из основных английских этнографических учреждений в Африке, был основан в 1937 г., в период наибольшего подъема реакционной функциональной школы, и Б. Малиновский был его духовным отцом. Он был основан как центр «прикладной этнографии» с ясно очерченной задачей — снабжать колониальную администрацию этнографической информацией о племенах Центральной Африки, необходимой для осуществления пресловутого «косвенного управления». Это определило характер его полевых исследований и его публикаций, посвященных почти исключительно социальным отношениям, родо-племенной организации в ее настоящем виде. Институт опубликовал уже по отдельным племенам больше двух десятков книг, объединяемых в серию «Rhodes-Livingstone Papers», издает два раза в год «The Rhodes-Livingstone Journal».

Рецензируемый сборник состоит из семи больших статей:

1. «The Ilozi of Barotseland in North-Western Rhodesia». Max Gluckman.
2. «The plateau tonga of Northern Rhodesia». E. Colson (директор Института Родса-Ливингстона).
3. «The bembas of North-Eastern Rhodesia». Andrey I. Richards.
4. «The Fort Jameson ngoni». J. A. Barnes.
5. «The nyakyusa of South-Western Tanganyika». G. Wilson.
6. «The yao of Southern Nyasaland». J. C. Mitchell.
7. «Some «Shona» tribes of Southern Rhodesia». J. F. Holleman.

Выход в свет этого сборника совпал с первой попыткой английских колониальных властей осуществить давно вынашиваемый план объединения трех центрально-африканских колоний — Южной Родезии, Северной Родезии и Ньясаленда — в Центрально-Африканскую федерацию.

Общая площадь этих трех колоний составляет около 1200 тыс. км², т. е. в 5 раз превышает площадь Англии и Северной Ирландии. Значительная часть территории поражена мухой це-це и почти необитаема. Общая численность коренного населения по переписи 1948 г. — 5638 тыс. человек. В Южной Родезии имеется значительное и в последние годы быстро растущее европейское население: 75 тыс. в 1945 г. и 120 тыс. в 1950 г. Южная Родезия является самоуправляющейся колонией со своим парла-

ментом, избираемым только европейцами, и своим правительством. Буржуазная верхушка этого европейского населения представляет собой колониальный филиал английского империализма. Она и выдвигает уже давно план федерирования этих трех колоний.

Южная Родезия богата каменным углем и железной рудой, она может стать крупным центром металлургической промышленности. Уже сейчас сталелитейный завод в Булавой выпускает сталь для авиационных моторов, ставится вопрос о строительстве новых заводов. В последние годы контроль над горной промышленностью переходит в руки американских компаний.

Англо-американский агрессивный блок рассматривает Южную Родезию, наряду с Южно-Африканским Союзом, как потенциальный военный арсенал, поставщика вооружения африканской колониальной армии.

Развитие горной и обрабатывающей промышленности Южной Родезии ограничивается недостатком рабочей силы. Коренное население Южной Родезии, его мужская часть, почти полностью работает по найму в принадлежащих европейцам предприятиях. Но рабочей силы нехватает. Ежегодно десятки тысяч рабочих ввозятся из Северной Родезии и Ньясаленда, идет бойкая работоторговля. Англо-американские империалисты в Южной Родезии хотели бы сами непосредственно распоряжаться этими резервами дешевой рабочей силы. Это и является главной причиной настоящих требований федерирования, подчинения Северной Родезии и Ньясаленда Южной Родезии: «Федерирование является боевым кличем реакционеров в Центральной Африке, старающихся получить возможность неограниченной эксплуатации негритянских рабочих», — писала «Дейли Уоркер» 21 августа 1951 г. Другой причиной федерирования является желание агрессоров централизовать управление колониями в интересах ведения войны.

Для коренного населения Северной Родезии и Ньясаленда создание федерации означает подчинение его режиму расовой дискриминации, существующему в Южной Родезии. Оно выступило поэтому решительно против федерации. Африканский конгресс Северной Родезии, объединяющий профсоюзы и другие общественные организации, создал Комитет борьбы против федерации. Африканский Национальный конгресс Ньясаленда также высказался против. Все коренное население, включая вождей племен, проявило исключительное единодушие в этом жизненном для него деле. Английские власти были предупреждены, что коренное население колоний не потерпит федерации, что оно поставит вопрос перед Организацией Объединенных Наций, а если потребуется, окажет «сопротивление на своих территориях». Английские империалисты были вынуждены временно отложить принятие решения о создании федерации до середины 1952 г.

Рецензируемый сборник привлекает поэтому к себе внимание не только этнографов, но широкий круг интересующихся колониальной политикой империализма. Читателя ждет, однако, глубокое разочарование: он не найдет ответа на интересующие его вопросы.

Сборник не дает характеристики этнического состава населения проектируемой федерации, а такая характеристика показала бы, что с этнической точки зрения эта федерация не имеет никаких оснований, что это искусственное образование, включающее народы, принадлежащие к разным этно-лингвистическим группам. Больше того, сборник построен так, что он, выделяя отдельные племена, искажает этническую картину, создает представление о крайней этнической раздробленности.

Сборник совершенно обходит молчанием империалистическую эксплуатацию коренного населения. Читатель не найдет сведений о системе резерватов и обезземливании крестьянства, об условиях труда в горной промышленности, на фермах и плантациях, о политическом бесправии и расовой дискриминации. Племена описываются так, как будто они живут независимой, свободной жизнью, как будто нет колониального режима. В полном соответствии с установками функциональной школы авторы статей сборника описывают состояние родо-племенной организации, но не пытаются даже объяснить причины регистрируемых ими процессов. В противном случае, они не могли бы обойти молчанием империалистическую эксплуатацию народов колоний.

Однако при всех этих коренных пороках сборник дает новый фактический материал по ряду вопросов, который при критическом к нему отношении может быть использован для научных обобщений.

Эти материалы дают, прежде всего, возможность более точно вскрыть степень разложения родо-племенной организации. Выясняется, что территориальное единство описываемых в сборнике племен нарушено: одно и то же племя оказалось в разных резерватах, один и тот же резерват населен осколками разных племен. Например, племя розви живет в резерватах Нарира и Ведза, находящихся на значительном расстоянии один от другого; в резервате Ведза вместе с розви живет племя мбире. В результате оказывается, что розви резервата Ведза по своей культуре и обычаям стоят ближе к мбире, чем к розви резервата Нарира. В аналогичном положении оказалось племя хера, живущее в двух разных районах. Или вот племенной состав населения трех административных районов южной части Ньясаленда по данным 1945 г.:

Район	Племена (в % от общей численности населения)				Всего населения (в тыс.)
	яо	нгуру	ньянга	игони	
Кавинга	48,6	35,7	14,5	1,2	44
Ливонде	75,1	19,6	5,2	0,1	12
Ньямби	73,2	26,8	—	—	7

Как видно, границы каждого из этих районов проведены произвольно, независимо от границ расселения того или иного племени.

Колониальные власти в целях выделения «белых» районов для поселения европейских фермеров и создания крупных плантаций дробят племенные территории, разрывают племена на части, многократно их переселяют, создают племенную мозаику, этническую чресполосицу, в которой все труднее становится разбираться. Происходит стирание племенных различий, исчезают старые племенные языки, создаются новые этнические образования, новые культуры. Материалы сборника совершенно неточны, чтоб определить хотя бы приблизительно контуры новых этнических образований. Составители сборника избегают даже постановки этого вопроса, дальше племени они не идут.

Сборник дает некоторый новый материал для характеристики так называемых вождей племен. Известно, что колониальные власти в своей политике порабощения народов колоний продолжают опираться на этих вождей. Но поскольку нарушено территориальное единство племен, не может быть и вождей племен в настоящем смысле этого слова. Это низшая прослойка колониальных чиновников, управляющих небольшими административными районами, называемыми «chieftaincy» или «chieftainship», т. е. территорией власти вождя, владением вождя. В целях административного управления колониальные власти кроют и перекраивают границы этих chieftaincies. Например, тонга Северной Родезии до 1918 г. делились на 116 chieftaincies, а затем их начали «укрупнять», и сейчас их осталось только 16. Один из этих 16 вождей объявлен верховным вождем. Действительная роль вождя насколько не меняется от того, что он является наследственным вождем, часто и этот принцип не соблюдается. Население называет этих вождей «правительственными вождями».

В сборнике имеются новые материалы о формах расселения. Старая форма мелких краалей почти уже исчезла. Колониальные власти в целях облегчения задачи порабощения проводят курс на концентрацию краалей в крупные населенные пункты. В ряде районов установлено, что в каждой деревне должно быть не меньше 10 налогоплательщиков, т. е. взрослых мужчин. В резервате Ведза, например, в среднем на каждую деревню приходится 70—80 человек, встречаются деревни с населением до 700 человек. Этнограф найдет свежие материалы и по некоторым другим вопросам.

Но все это только материалы и к тому же соответствующим образом препарированные, т. е. фальсифицированные. Обслуживание реакционной колониальной политики империализма, как и всякой иной реакционной политики, несовместимо с научной объективностью. В интересах этой политики составители сборника старательно прикрывают социологическими схемами тот величайший ущерб, который приносит колониальный режим народам Центральной Африки, потрясающую нищету и невежество, на которые английский империализм обрекает эти народы. Следует отметить, что этот сборник значительно и в худшую сторону отличается от ранних выпусков Института Родса-Ливингстона, в которых имелось обилие фактического материала по экономическому положению народов, по земельным отношениям и другим вопросам¹. По мере обострения борьбы двух лагерей современного мира — лагеря антиимпериалистического, демократического, и лагеря империалистического, — по мере обострения борьбы угнетенных народов Африки против империализма выпуски Института становятся менее содержательными, фактический материал вытесняется социологическими рассуждениями. История изданий Института Родса-Ливингстона в этом отношении крайне поучительна.

И. Потехин

¹ См. например, выпуски; Rooiyard. A sociological survey of an urban native slum yard. E. Hellman, Studies in African land usage in Northern Rhodesia. W. Allan; An essay of the economics of detribalisation in Northern Rhodesia. Godfrey Wilson; и другие.